

Арктика и Север. 2024. № 54. С. 117–139.

Научная статья

УДК 327.59(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.117>

Особенности и перспективы стратегического проникновения НАТО в Арктику: норвежское направление

Трунов Филипп Олегович^{1✉}, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник

¹ Институт научной информации по общественным наукам РАН, пр. Нахимовский, 51/21, Москва, Россия

¹ 1trunov@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>

Аннотация. Военно-стратегическое проникновение и закрепление в Арктике становится одним из атрибутов глобальной дееспособности для влиятельных международных игроков. Помимо держав это положение относится и к НАТО как носителю многосторонней мощи игроков «коллективного» Запада. В статье представлена попытка выявить и исследовать возникающую схему стратегического проникновения Альянса в Северный Ледовитый океан. Отмечается, что роль её опоры отведена Норвегии, определяются причины консенсуса по данному вопросу между США и ведущими государствами-членами НАТО в Западной Европе. Приведена оценка сильных мест вооружённых сил Норвегии, определены «узкие места», требующие поддержки от партнёров по НАТО по мере попыток многостороннего проникновения в Арктику. Функционально схема закрепления здесь Альянса состоит из трёх основных элементов. Первый — это отрезок системы «сдерживания» РФ в Финнмарке. Здесь ключевая роль отводится основным силам норвежских войск с отработкой их оперативного усиления войсками партнёров по НАТО. В свою очередь, последние готовы принять повышенную нагрузку в укреплении второго элемента. Это линия побережья от Тронхейма на юге до Тромсё, с опорой на базы которой и осуществляется само стратегическое проникновение в Северный Ледовитый океан (третий элемент). Оно обеспечивается нарастающим по объёму сотрудничеством ВМС Норвегии и заинтересованных стран-участниц НАТО.

Ключевые слова: Арктика, Норвегия, Североатлантический альянс, США, Великобритания, Германия, Финнмарк, военные манёвры, военные группировки, Норвежское море

Features and Perspectives of NATO`s Strategic Penetration into the Arctic: The Norwegian Dimension

Philipp O. Trunov^{1✉}, Cand. Sci (Polit.), Leading Researcher

¹ Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, pr. Nakhimovskiy, 51/21, Moscow, Russia

¹ 1trunov@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>

Abstract. Military-strategic penetration into the Arctic is becoming one of the key attributes of global capability for influential international players. The point applies not only to the most powerful states, but also to NATO as main keeper of military tools of the West. The article tries to identify and explore the scheme of

* © Трунов Ф.О., 2024

Для цитирования: Трунов Ф.О. Особенности и перспективы стратегического проникновения НАТО в Арктику: норвежское направление // Арктика и Север. 2024. № 54. С. 117–139. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.117>

For citation: Trunov P.O. Features and Perspectives of NATO`s Strategic Penetration into the Arctic: The Norwegian Dimension. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 54, pp. 117–139. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.117>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

NATO's strategic penetration into the Arctic Ocean. It is noted that the role of its support is assigned to Norway, the reasons for the consensus on this issue between the United States and the leading NATO member states in Western Europe are identified. The paper assesses the strengths of Norway's armed forces and identifies the bottlenecks that require support from NATO partners as they attempt multilateral penetration into the Arctic. Functionally, the Alliance's anchoring scheme consists of three main elements. The first one is a section of the Russian Federation's "containment" system in Finnmark. Here, the key role is assigned to the main forces of Norwegian troops with the practice of their operational reinforcement by the troops of NATO partners. In turn, the latter are ready to take an increased load in strengthening the second element. This is the coastline from Trondheim in the south to Tromsø, with the support of bases on which the strategic penetration into the Arctic Ocean (the third element) is carried out. This is ensured by the growing co-operation between the Norwegian Navy and interested NATO member states.

Keywords: *Arctic, Norway, North Atlantic Alliance, USA, UK, Germany, Finnmark, military exercises, military groups, Norwegian sea*

Введение

Рост интереса к Северному Ледовитому океану (СЛО) со стороны увеличивающегося круга игроков относится к числу магистральных тенденций развития мира в XXI в. Причины кроются не только в наличии в Арктике огромных запасов разнообразных природных ископаемых, её логистической ценности, особенно в условиях глобального потепления. Стратегическое, т. е. имеющее полноценную военную составляющую, проникновение и тем более закрепление в Арктике становится всё более обязательным атрибутом реализации государственных амбиций для наиболее влиятельных государств. Это положение в возрастающей мере относится и к НАТО — полноценному военному блоку, представляющему наиболее влиятельный и институционально отлаженный механизм «либеральных демократий» в сфере безопасности и обороны.

Североатлантический альянс задумывался, создавался и развивался в предшествующую «холодную войну» как структура, «заточенная» на выстраивание конфронтации с участием Западом в парадигме, выгодной последнему. В 1990-е — начале 2010-х гг. новым магистральным смыслом для трансформировавшейся НАТО явилась борьба с угрозами и вызовами нестабильности. Это сопровождалось не просто активным выходом Альянса в использовании своего потенциала за пределы зоны ответственности (прежде всего, на Среднем и Ближнем Востоке), но и движением по пути глобализации деятельности. Полноценное возвращение Запада к выстраиванию систем «сдерживания» влиятельных оппонентов [1, Братерский М.В.] — прежде всего, РФ (с 2014 г.), но также КНР и ИРИ ¹ — имело весьма заметные последствия для НАТО. Роль организации в системе стратегического планирования «либеральных демократий» вновь резко возросла, что закономерно сопровождалось резким наращиванием ресурсных возможностей самого Альянса. Сосредоточение повышенного внимания на «сдерживании» РФ в купе с невозможностью принятия роли провайдера безопасности для нестабильных государств Ближнего и Среднего Востока (что отчётливо показал кейс Афганистана [2, Новикова О.Н., с. 221–226]) создали и существенную трудность пе-

¹ NATO 2022 strategic concept. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022. Brussels: NATO HQ, 2022. Pp. 3–5.

ред НАТО — поиск географически и функционально новых вариантов глобализации деятельности. Ими стали подключение Альянса к уже осуществляемому США и группой их партнёров в Индо-Тихоокеанском регионе «сдерживанию» КНР, а также осуществление стратегического проникновения в Арктику под эгидой блока. Однако если в первом случае (вопрос противодействия КНР) использование НАТО наталкивалось на фактическую неготовность к этому ряда стран-участниц (прежде всего, Германии и Франции) [3, Арзаманова Т.В.], то во втором, напротив, наблюдался широкий консенсус.

Соотношение военно-стратегических потенциалов, влияния игроков в СЛО становится одним из важных индикаторов парадигмы вновь формируемого миропорядка. Его природа будет в основе определяться характером взаимоотношений Запада и не-Запада. Вторая общность находится ещё на начальной стадии своего структурирования. Первая (как лагерь «либеральных демократий») в основе оформилась длительное время назад, однако сейчас проходит фазу частичной внутренней перестройки. Одна из её составляющих — обеспечение разноаспектной многосторонней слаженности действий стран-участниц НАТО в Арктике, в т. ч. на уровне Альянса как организации.

Фактор специальной военной операции (СВО) РФ временно снизил для Альянса военно-стратегическое внимание к Арктике в информационном, но отнюдь не практическом плане. Так, из 6 крупнейших (с вовлечением в каждые не менее чем 15 тысяч военнослужащих, т. е. эквивалента полной дивизии) одинарных и спаренных² учений половина была проведена в Норвегии и прилегающих акваториях. Это *Trident Juncture 18* (с задействованием 50 тысяч солдат и офицеров)³, *Cold Response 22* (30 тысяч участников)⁴, *Joint Viking 23/Joint Warrior 23* (20 тысяч вовлечённых военных)⁵. Следует подчеркнуть, что все указанные учения 2022–2023 гг. были проведены уже после начала СВО РФ. Масштаб каждого из этих манёвров показателен не только в сравнении с другими значимыми учениями НАТО и с учётом существенно сократившейся со времени предшествующей конфронтации Запад — Восток численности национальных вооружённых сил, но и с учётом природно-климатических реалий. Сложность оказания поддержки и боевая ценность использования одного отдельно взятого военнослужащего в суровых субарктических и арктических условиях намного выше, чем в Восточной Европе или Средиземноморье.

Задача статьи — раскрыть особенности и перспективы военно-стратегического проникновения НАТО в Арктику применительно к реалиям конца 2010-х — начала 2020-х гг. За рубежом и отечественные исследователи уделяют всё больше внимания ситуации в Аркти-

² Двое (или более) учений, хронологически параллельных, проводимых на одном направлении и для отработки единой задачи, для которых дан общий показатель численности войск.

³ Trident Juncture 2018. NATO. 7.11.2018. URL: <https://www.nato.int/cps/en/natohq/157833.htm> (дата обращения: 05.05.2023).

⁴ Cold Response 2022. Forsvaret. 17.11.2022. URL: <https://www.forsvaret.no/en/exercises-and-operations/exercises/cr22> (дата обращения: 05.05.2023).

⁵ Major exercises demonstrate NATO Allies' readiness. NATO. 13.03.2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_212791.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.05.2023).

ке применительно к сфере безопасности и обороны в целом, политике России [4, Журавель В.П., Тимошенко Д.С.], государств-членов НАТО, особенно из числа имеющих выход в СЛО [5, Paul M.] — прежде всего, США [6, Paul M.; 7, Кучинская М.Е.; 8, Райков Ю.А.] и Норвегии [9, Дзюбан В.В.; 10, Конышев В.Н., Сергунин А.А.; 11, Журавель В.П.]. Вместе с тем именно многосторонняя деятельность стран-участниц Альянса, особенно с задействованием его как организации, ещё не нашла столь подробного освещения, особенно применительно к современным реалиям. При выстраивании методологической основы работы автор опирался на положения теорий альянсов [12, Истомин И.А.] и строительства вооружённых сил [13, История...]. В работе были использованы методы сравнительного и ивент-анализа.

Выбор Норвегии как плацдарма НАТО для проникновения в Арктику

Во второй половине 2010-х гг. на практике проявился неофициальный консенсус внутри НАТО по вопросу закрепления за Норвегией роли основного реципиента многостороннего военного потенциала Альянса, используемого в субарктической и арктической зонах. Чем объяснялось согласие в этом вопросе североамериканских и европейских стран-участниц, особенно ведущих?

США в принципе не были готовы обеспечить доступ в военном отношении партнёров по Альянсу на Аляску. Для официального Вашингтона такой шаг отнюдь не усилил бы его в позиции в НАТО, но продемонстрировал бы определённую зависимость от европейских стран-участниц Альянса. Данный вопрос был тем чувствительнее для Белого дома в период, когда он настойчиво стремился к укреплению своих позиций внутри «коллективного» Запада и особенно Евро-Атлантического сообщества. Это являлось общим знаменателем для администраций Д. Трампа в его стремлении к жёсткой гегемонии и уже Дж. Байдена с характерным для него движением к мягкой гегемонии. Показательно, что США неизменно вносили заметный (часто определяющий или направляющий) вклад в проведение практически всех значимых военных учений НАТО в Европе, однако сам официальный Вашингтон почти никогда не привлекал контингенты партнёров к организации манёвров на собственной территории.

Белый дом был заинтересован в таком союзнике из стран-участниц НАТО, расположенных на побережье СЛО, с которым отсутствовали бы заметные разногласия по Арктике в целом и который был бы готов в тесном согласии с США, с признанием за ними ведущей роли и учётом особенностей их ресурсных возможностей, участвовать в «сдерживании» РФ на Крайнем Севере. Со времени оформления лагеря «западных демократий» (в конце 1940-х гг.) официальный Вашингтон имел достаточно прочные и разветвлённые связи в сфере обороны и безопасности с Канадой и Данией. В частности, на принадлежавшем последней о. Гренландия располагаются военные подразделения США (прежде всего, на базе Туле). Вместе с тем конкретно по арктическому треку взаимодействие официального Вашингтона как с Оттавой, так и с Копенгагеном по своему качеству и объёмам существенно меньше потенциального объёма. Канада весьма болезненно относилась к зондажу США вопроса об интерна-

ционализации Северо-Западного прохода, Дания — к постановке в августе 2019 г. Д. Трампом вопроса о покупке о. Гренландия⁶. Показательно, что сама инициатива 45-го президента США, без учёта самой характерной для него манеры подачи, не вызвала какого-либо заметного осуждения со стороны оппонентов из истеблишмента страны.

Подобные проблемы отсутствовали в реалиях второй половины 2010-х гг. в отношениях США с Норвегией. Последняя в наибольшей мере удовлетворяла указанным выше критериям и в геостратегическом отношении. Если Аляска (как часть владений самих США) «окаймляла» владения России в Арктике с восточной стороны, то Норвегия — с западной. Тем самым создавалась основа для противодействия РФ в Арктике с двух сторон — в Западном и Восточном полушариях соответственно. При выстраивании системы «сдерживания» России (как и ранее Советского Союза) США традиционно стремились обеспечить теснейшее сотрудничество с наиболее выдвинутыми на восток государствами-партнёрами по НАТО: показательна близость с ФРГ в предшествующую конфронтацию Запад — Восток, а также с Польшей и странами Балтии уже в условиях современной. В сравнении с 1950-ми — 1980-ми гг. с середины 2010-х гг. был заметно выше интерес США к сближению не только с Норвегией, но также Швецией и Финляндией, постепенно перерастая в поддержку вступления в НАТО последних. Это объяснялось широким кругом причин. Во-первых, по сравнению с 1989 г., резко отодвинулась на восток граница зоны ответственности НАТО. Расширение Альянса на массив государств Восточной Европы, особенно Польшу и республики Балтии, привело к «эффекту переплёскивания»: укрепление позиций самих США, Альянса в условно нейтральных Швеции и Финляндии стал восприниматься как необходимость прикрытия с севера новой передовой зоны ответственности НАТО — в итоге территории самих официальных Хельсинки (де-юре с 4 апреля 2023 г.⁷) и Стокгольма становились её частью. Во-вторых, в отличие от предшествующей конфронтации с СССР и его союзниками, в условиях новой (с РФ с 2014 г.) США и в целом ведущие «западные демократии» были уверены в большей управляемости процессом, т. е. своей способности регулировать уровень напряжённости, контролировать эскалацию в случае её возникновения [1]. Одна из иллюстрацией тому — наращиваемые по числу единиц, их ударной мощи поставки странами-участницами вооружений и военной техники официальному Киеву, особенно на фоне вынужденной СВО РФ. Эта уверенность (во многом — иллюзорная) в контроле за ходом конфронтации на наиболее опасных направлениях (украинском, восточноевропейском) означала возможность большего внимания другим трекам, в т. ч. Арктике. Наконец, в-третьих, это уже отмеченное заметное возрас-

⁶ Trump confirms he is considering attempt to buy Greenland. 18.08.2018. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/aug/18/trump-considering-buying-greenland> (дата обращения: 05.05.2023).

⁷ Press statement by NATO Secretary General Jens Stoltenberg with the President of Finland, Sauli Niinistö. NATO. 4.04.2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_213464.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.05.2023).

тание геостратегической ценности последней в увязке с возросшими по сравнению с 1950-ми — 1980-ми гг. возможностями по оперированию здесь военными ресурсами.

Весьма важно, что на территорию Норвегии, в отличие от о. Гренландия или северных владений Канады, могли быть логистически относительно легко и быстро переброшены крупные разнородные, в т. ч. наземные, контингенты других европейских стран-участниц НАТО, особенно Германии, Великобритании, а также Франции. Они, прежде всего официальный Лондон и Берлин, имели весьма доверительные отношения с Осло. Притом в случае ФРГ фактор исторической памяти (поражение и оккупация в 1940–1945 гг. Норвегии Третьим рейхом) не стал заметным спойлером на пути выстраивания продвинутого союзничества ещё в предшествующую конфронтацию Запад — Восток. Соответственно, и для ведущих западноевропейских стран-участниц НАТО, наиболее готовых и заинтересованных в согласованном продвижении в Арктике, Норвегия представлялась более ценным партнёром, чем Дания и Канада. Так, в сфере безопасности и обороны официальный Копенгаген, являясь страной-участницей ЕС, воздержался от участия в работе платформы *PESCO* (*Permanent Structured Cooperation*; Постоянное структурированное сотрудничество, ПСС) — едва ли не ключевого механизма, должного обеспечить «стратегическую автономию» Европейского союза [14, Никитин А.И.]. ПСС было запущено в 2017 г., имея основной структурной единицей проектные комитеты; их число заметно возрастало, а спектр тематики заметно расширялся. Все проектные комитеты могут быть разделены на две группы: технико-технологические (разработка и запуск производства новых образцов вооружений и военной техники) и функциональные (повышение оперативно-тактических возможностей конкретных родов или видов ВС, ВС в целом в конкретных сегментах). Притом интерес к сотрудничеству по линии ряда проектных комитетов *PESCO* с 2021 г. стала проявлять Норвегия (наряду с США и Канадой)⁸, не являясь страной-участницей ЕС. Канада традиционно проявляла «особость» в вопросе внесения вклада в укрепление европейской части зоны ответственности НАТО. В предшествующую «холодную войну» контингент официальной Оттавы здесь был небольшим (одна усиленная бригада) и был выведен первым. Принятие Канадой роли «рамочной нации» в деле функционирования многонациональной боевой группы сил передового развёртывания (СПР) Альянса в Латвии (с 2017 г.)⁹ было скорее исключением, лишь подтверждавшим общее правило. В данном случае официальная Оттава проявила солидарность с англо-саксонскими партнёрами (Вашингтоном и Лондоном), по сути, вынужденно играя ту роль, что не согласилась принять Франция.

Наконец, ещё одной причиной являлись профильные военные возможности государств-членов НАТО из числа имеющих национальные секторы в Северном Ледовитом оке-

⁸ PESCO: Canada, Norway and the United States will be invited to participate in the project Military Mobility. The EU. 6.05.2021. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/05/06/pesco-canada-norway-and-the-united-states-will-be-invited-to-participate-in-the-project-military-mobility/> (дата обращения: 05.05.2023).

⁹ NATO's military presence in the east of the Alliance. NATO. 21.12.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (дата обращения: 05.05.2023).

ане. К началу 2020-х гг. США, обладая в целом очень сильной «военной машиной», не располагали сколько-нибудь значительными арктическими войсками, т. е. силами и средствами, оснащёнными и приспособленными к применению в условиях Крайнего Севера. Из числа относимых к этой категории Дания располагала отдельными мелкими подразделениями в Гренландии; Канада — несколько большими силами, ключевой воинской частью в составе которых являлась 1-я патрульная группа рейнджеров (эквивалент «ядра» батальонной тактической группы, БТГ)¹⁰. Норвегия располагала наиболее крупными и хорошо организованными арктическими войсками: их основу составляла бригада «Север» (9 батальонов, в т. ч. 6 боевых таковых)¹¹.

Исторический опыт использования Норвегии как плацдарма для военно-стратегического проникновения в СЛО

На практике впервые ценность геостратегического положения Норвегии была наглядно продемонстрирована в ходе Второй мировой войны. После поражения (1940 г.) от Третьего рейха на оккупированной норвежской территории оказались размещены непропорционально большие (с учётом численности мирного населения, природно-климатических условий) силы вермахта. Притом, по сути, речь шла о двух крупных группировках. Одна из них была развёрнута на большей части страны (кроме Северной Норвегии) и была разнородной, т. е. составлена из соединений ВМС, армии, а также частей ВВС. Крупные силы надводных кораблей (всех классов вплоть до линкоров) и подводных лодок, флотской авиации предназначались прежде всего для борьбы с союзническими конвоями, шедшими в СССР, его Северным флотом и британскими ВМС¹². Соответственно, опираясь на норвежские порты, кригсмарине многократно совершали заход в акватории СЛО, в т. ч. весьма отдалённые от континента. Вдоль побережья Норвегии были размещены крупные наземные силы, постепенно увеличиваемые по мере возрастания риска союзнического десанта: если летом 1940 г. здесь было 7 дивизий [15, с. 319], то к 1944 г. — уже 13 дивизий [16, с. 20], т. е. местное побережье прикрывалось во многом лучше, чем оккупированное во Франции. Показательно, что из всех группировок гитлеровских войск таковая в Норвегии сдалась в плен одной из последних, де-факто уже позже подписания акта о безоговорочной капитуляции. Другая группировка — это армия «Норвегия» (с 1942 г. «Лапландия»), изначально (к 22 июня 1941 г.) сосредоточенная на севере Норвегии (в Финнмарке) и севере же Финляндии. Эта группировка (6 дивизий) в целом неудачно пыталась наступать на Кольском п-ове, имея главной целью захват Мурманска и Полярного¹³. Разгром этой группировки Красной Армией

¹⁰ Canadian Armed Forces sharpen cold weather skills above the Arctic Circle, alongside NATO Allies and partners. NATO. 17.03.2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_165265.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.05.2023).

¹¹ Norwegian Armed Forces in transition. Strategic defence review by the Norwegian chief of defence. Abridged version. Oslo, 2015. P. 15, 17.

¹² Атлас офицера. М.: Военно-топографическое управление ГШ ВС СССР, 1974. С. 276.

¹³ Там же, С. 252–253.

в ходе Петсамо-Киркенесской операции (7–29 октября 1944 г.) привёл к освобождению лишь части норвежского Финнмарка [17, Штеменко С.М., с. 408–411]. Наступление РККА на остальные части территории королевства не осуществлялось не только по политическим обстоятельствам (разграничение зон стратегической ответственности СССР и западных союзников). Другая причина — исключительная сложность «разворота» из Финнмарка на юг по Норвегии в смысле использования и снабжения войск в гористой местности на Крайнем Севере, притом в условиях полярной ночи и разрушения вермахтом почти всей инфраструктуры. Кроме того, РККА пришлось бы вести боевые действия с очень сильной разнородной группировкой противника (вермахт, отряды СС и местных коллаборационистов) на основной части норвежских земель.

Тем самым была на практике продемонстрирована *автономность* последней (в смысле пониженной вероятности наземных ударов с севера) от массива сил и средств, что действовали в самых северных районах Норвегии (и Финляндии). Именно в 1940–1945 гг. (точнее, в 1941–1944 гг.) была выработана триединая схема использования Норвегии как плацдарма для военно-стратегического проникновения в СЛО, элементы которой:

- развёртывание группировки в норвежском Финнмарке (желательно — с дополнением в северных районах Финляндии) для противодействия СССР;
- выстраивание надёжной системы охраны протяжённого побережья (прежде всего, портовой инфраструктуры) в основной части Норвегии, особенно на участке Тронхейм — Тромсё как основной опоры для «стратегического броска» (в обоих случаях основная нагрузка ложилась на сухопутные войска и ВВС);
- использование крупных сил ВМС с авиационной поддержкой в акваториях СЛО — прежде всего, Норвежском, Баренцевом и Гренландском морях.

В чисто военном отношении эта триединая схема оказалась востребована для НАТО в современных реалиях.

Особенности развёртывания ВС Норвегии: «лакуны», требующие заполнения партнёрами по НАТО

Уже на начальных стадиях конфронтации Евро-Атлантического сообщества с РФ (с 2014 г.) Норвегия практически полностью свернула осуществляемое до этого ограниченное военное сотрудничество с РФ [10, с. 353–354] (в частности, было прекращено проведение ежегодных с начала 2010-х гг. учений «Помор»). Уже в середине 2010-х гг. из числа стран-участниц НАТО официальный Осло вошёл в число наиболее активных сторонников «сдерживания» РФ, продвигая в увязке с этим развитие *NORDEFCO* (Сотрудничество североевропейских стран в области обороны) и поддерживая идею вхождения в Альянс Швеции и Финляндии [10, с. 353–354]. Такой шаг расценивался как содействующий повышению эффективности военно-стратегических позиций в норвежской губернии Финнмарк и в целом существен-

но помогавший в противодействии «российской угрозе». Смена правительства (приход к власти по итогам выборов 2021 г. Норвежской рабочей партии вместо Консервативной партии) никак не отразилась на подходе официального Осло к «сдерживанию» РФ. С учётом объёмов имевшейся ресурсной базы, он самым активным образом включился в предоставление властям в Киеве военной поддержки в условиях проведения СВО. Так, к концу марта 2023 г., вскоре после принятия странами-участницами НАТО решения о передаче танков Украине (с 25 января 2023 г.) Норвегия направила ей 8 танков *Leopard 2*¹⁴, в то время как их производитель Германия — 18¹⁵ (при огромной разнице по численности единиц военной техники в пользу ВС ФРГ), что отражало жёсткость позиции Норвегии. Проявлением этого стала также самая активная поддержка официальным Осло приостановки членства России в Арктическом совете и Совете государств Балтийского моря уже с марта 2022 г. Параллельно наблюдалось предельное ограничение политико-дипломатических контактов на двусторонней основе, сопровождаемое высылками российских дипломатов: в апреле 2022 г. — 3, а в апреле 2023 г. — уже 15 представителей МИД РФ¹⁶. Логично, что это дополнялось ростом вклада Норвегии в «сдерживание» РФ в Арктике, особенно в кооперации с партнёрами по НАТО.

«Военная машина» официального Осло не сталкивается с проблемой недофинансирования. Из числа государств-членов НАТО в 2014–2022 гг. по общему объёму ежегодных военных расходов (от более чем 5,8 до почти 8,1 млрд долл. в постоянных ценах 2015 г.¹⁷) Норвегия занимала 11-ю позицию среди государств-членов блока¹⁸. В основном она уступала партнёрам, имевшим крупные вооружённые силы (от 100 тысяч военнослужащих и более — США, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Польше, Турции, Испании), а также Канаде и Нидерландам. В случае Канады, другой арктической страны-участницы НАТО, диапазон ежегодных военных трат колебался от 15,6 до почти 22,8 млрд долл.¹⁹, т. е. был в 2,7–2,8 раз больше, чем у Норвегии; однако численность личного состава ВС официальной Оттавы (65,9–71,8 тысяч солдат и офицеров)²⁰ примерно в 3,5 раза превышает данный показатель для Осло. Иными словами, последний выделял больше средств на одного расчётного военнослужащего с закладыванием сюда затрат на модернизацию вооружений и военной

¹⁴ Украина получила от Норвегии танки Leopard 2. РБК. 20.03.2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64189bbf9a79472ad7448ca0> (дата обращения: 05.05.2023).

¹⁵ Liste der militärischen Unterstützungsleistungen. Bundeskanzleramt. 2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/krieg-in-der-ukraine/lieferungen-ukraine-2054514> (дата обращения: 05.05.2023).

¹⁶ Случаи высылки российских дипломатов из Норвегии. ТАСС. 13.04.2023. URL: <https://tass.ru/info/17517435> (дата обращения: 05.05.2023).

¹⁷ Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2022). Brussels: NATO, 2022. P. 7.

¹⁸ Там же, р. 7.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, р. 12.

техники (ВиВТ). Примечательно, что к 2022 г. удельный вес последнего раздела для Норвегии составлял более 29%, а Канады — лишь 13%²¹. Ещё более показателен тот факт, что по объёму военных расходов на душу населения официальный Осло стабильно занимал 2-е место среди стран-участниц НАТО (от 1 141 до 1 497 долл. в постоянных ценах 2015 г.), уступая лишь США и заметно опережая располагавшуюся на 3-м месте Великобританию²².

На этом фоне значение такого показателя как доля военных расходов от ВВП в основном на уровне от 1,55 до 1,8% (кроме 2019–2020 гг.)²³, т.е. менее 2% как целевого показателя для стран-участниц НАТО к 2024 г., не оказывало заметного воздействия на возможности «военной машины» Норвегии. Официальный Осло был готов и способен последовательно финансировать развитие инфраструктуры и особенно обновление парка ВиВТ, притом имея запас (путём приближения к отметке профильных расходов в 2% от ВВП) для ещё большего наращивания темпов.

К середине 2010-х гг. удельный вес современных ВиВТ существенно различался между видами и родами вооружённых сил. В интересах королевских ВВС была запущена (с 2012 г.) программа замены истребителей *F-16* на *F-35*: к 2025 г. планировалось партиями приобрести у США 52 таких машины с большим запасом оружия (особенно ракет) к ним²⁴. Это позволит полностью обновить парк трёх основных (боевых) эскадрилий ВВС. Закупки *F-35* являлись самой большей статьёй затрат на технико-технологическую модернизацию ВС в целом: 32% от общей суммы ассигнований на 2018–2025 гг.²⁵

В королевских ВМС современным был парк корветов (6 вымпелов типа *Skjold*) и фрегатов (реально 4 вымпела типа *Fridtjof Nansen*²⁶, ещё один был повреждён и затонул в ходе проведения учений *Trident Juncture 18*). Приближение предельного срока службы со списанием было характерно для подводных лодок (де-факто 4 субмарины на 2015 г.²⁷). В 2021 г. официальный Осло принял решение о приобретении 4 дизельных ПЛ проекта 212 *CD* (новейшей модификации 212A) германского производства: поставки должны начаться с 2029 г.²⁸. Гармонизация состава ВВС с США и ПЛ — уже с ФРГ отчётливо показывала, ВС каких стран-участниц НАТО рассматривались основными партнёрами для соответствующего вида и рода королевских войск.

В случае сухопутных войск проблемой считалась нехватка тяжёлой бронетехники, особенно предназначенной к использованию в условиях Крайнего Севера. Прежде всего,

²¹ Defence Expenditure of NATO Countries (2014-2022). Brussels: NATO, 2022, p. 13.

²² Там же, p. 11.

²³ Там же, p. 8.

²⁴ Norway swaps in its F-35s for NATO quick-reaction mission in the High North. 6.01.2022. URL: <https://www.defensenews.com/global/europe/2022/01/06/norway-swaps-in-its-f-35s-for-nato-quick-reaction-mission-in-the-high-north/> (дата обращения: 5.05.2023).

²⁵ Future acquisitions for the Norwegian Defence Sector 2018–2025. Oslo: Forsvardepartement, 2018. P. 6.

²⁶ Norwegian Armed Forces in transition... Oslo, 2015. P. 15.

²⁷ Там же.

²⁸ Neue U-Boote und Seeziel-Flugkörper für die Marine. BMVg. 09.07.2021. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/ausrustung-baainbw/aktuelles/deutsch-norwegische-u-boote-und-seeziel-flugkoerper-5109534> (дата обращения: 05.05.2023).

переформирование мотопехотных подразделений в механизированные должно было быть осуществлено в составе частей бригады «Север»²⁹.

Вооружённые силы (ВС) Норвегии отличала в целом высокая боеспособность личного состава, способность эффективно действовать поодиночке и мелкими подразделениями, в т. ч. в условиях Крайнего Севера. Ключевой *трудностью* являлась ограниченность военно-людских ресурсов: если в 2014 г. в ВС насчитывалось 21,0 тысяча солдат и офицеров, то в 2022 г. — 22,6 тысяч, т. е. в целом прирост был минимальным (более того, в 2015–2019 гг. численность даже снижалась, опустившись до отметки в 19,2 тысячи человек³⁰). Учитывая размеры населения Норвегии в целом (5,4 млн человек), в вооружённых силах уже занято 0,4% от него. Сложно ожидать, что Королевство, даже с учётом воинской обязанности для женщин, пойдёт на увеличение ВС существенно выше отметки в 0,5% от количества жителей страны (27 тысяч военнослужащих). С самого конца 2010-х гг. норвежскую «военную машину» характеризовал медленный, почти точечный, прирост; с высокой долей вероятности именно эта динамика сохранится на среднесрочную перспективу.

Помимо регулярных войск, Норвегия располагала также корпусом резервистов численностью в 30 тысяч человек³¹. Часть из них была задействована в проведении учений. Добровольцы из числа резервистов будут активнее привлекаться к несению военной службы в качестве контрактников. Это уменьшение обученного запаса будет компенсироваться его небольшим ростом как производной увеличения регулярных войск, т. е. корпус резервистов останется примерно той же численности.

Ограниченность военно-людских ресурсов требовала нетривиальных решений в вопросе совершенствования организационно-штатной структуры ВС. Так, создание каждой новой войсковой части заставляло задуматься о необходимости перераспределения личного состава внутри соответствующего вида или рода войск; а развёртывание дополнительного соединения — уже между последними в целом.

Согласно планам 2015 г., предполагалось расформировать управление единственной в армии Норвегии бригады «Север», один из трёх мотопехотных батальонов, а также все таковые со специализацией, кроме разведывательной, — инженерный, артиллерийский (боевые), связи, поддержки и медицинский (вспомогательные)³². Ряд их мелких подразделений должен быть сохранён в качестве отдельных. Кроме того, подлежала расформированию и часть войск губернии Финнмарк, не входившая в состав бригады «Север», — прежде всего, отдельный механизированный батальон³³. Планируемое упразднение бригадного звена в армии Норвегии означало бы перевод всех частей и подразделений (от батальона и ниже) в прямое подчинение командования сухопутных войск. Высвобождаемый личный состав (как

²⁹ Norwegian Armed Forces in transition... Oslo, 2015. P. 15, 24.

³⁰ Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2022). Brussels: NATO, 2022. P. 12.

³¹ Norwegian Armed Forces in transition... Oslo, 2015. P. 15.

³² Там же, р. 15, 24.

³³ Там же.

сам по себе, так и места) предполагалось направить на усиление других видов войск. Само по себе столь кардинальное сокращение норвежских войск в Финнмарке, т. е. в приграничной с РФ губернии, свидетельствовало о том, что норвежское руководство в 2015 г., т. е. спустя год после начала вооружённого конфликта на востоке Украины, *не воспринимало* гипотетическую «российскую угрозу» в качестве *экзистенциальной*.

Однако во второй половине 2010-х гг. все планы по расформированию бригады и войсковых единиц уровней ниже были отменены — более того, началась подготовка к созданию новых боевых подразделений и частей (в т. ч. за счёт перенаправления части личного состава из вспомогательных). Представляется, что в пересмотре первоначального решения едва ли не ключевую роль сыграли позиций государств-партнёров Норвегии по НАТО, заинтересованных в усилении «сдерживания» РФ и одновременно прикрытии группировкой в Финнмарке разворачиваемого с опорой на базы юга и центра Норвегии стратегического проникновения в СЛО. Ведущие партнёры по НАТО были готовы наращивать (в основном временно) военные силы в Финнмарке, однако их интересам отвечало бы, если бы основу группировки здесь составляли бы сами норвежские войска.

Идя навстречу пожеланиям партнёров, Норвегия сохранила ту конфигурацию развёртывания своих ВС, особенно *наземных сил*, что наличествовала к 2015 г. Это предельное сосредоточение сухопутных частей (в составе бригады «Север», войск вне её) в губернии Финнмарк. В остальной (основной) части страны оставались в основном кадрированные подразделения и центры подготовки новобранцев и резервистов, подразделения относительно небольших сил оперативного реагирования (3 250 военнослужащих), а также батальон королевской гвардии в Осло³⁴. Соответственно, здесь, особенно в обширном зоне между Тронхеймом и Тромсё, норвежской армии *потенциально* требовалось усиление — но только в ситуации, когда под эгидой начиналось многостороннее военно-стратегическое проникновение в Арктику.

Модернизируемые ВВС Норвегии примерно в равной степени фокусировались на прикрытии северных районов и остальной территории страны, тем оказывая поддержку планам партнёров по всем основным направлениям.

Наконец, норвежские ВМС (за исключением подразделений береговой охраны и тыловой поддержки) закономерно могли стать одной из основ группировок НАТО, непосредственно осуществляющих обеспечение присутствия в СЛО. Исходя из оснащённости современной техникой (прежде всего, в плане фрегатов — класса кораблей, предназначенного к использованию в океанской зоне) надводные военно-морские силы Норвегии были раньше других видов и родов войск и в более полной степени подготовлены к практическому обеспечению поддержки государств-партнёров по НАТО в их намерениях.

³⁴ Norwegian Armed Forces in transition... Oslo, 2015. P. 15.

Особенности военного присутствия стран НАТО в Норвегии

Авторское предположение о том, что потребность самой Норвегии в военной поддержке со стороны партнёров по Альянсу была именно *потенциальной*, т. е. она не была нужна для обеспечения безопасности и обороны королевства в «обычных» реалиях, без осуществления стратегического проникновения НАТО в Арктику, доказывается линией поведения самого официального Осло. В годы предшествующей «холодной войны» Норвегия была свободна от постоянного присутствия союзнических войск: северная группа армий НАТО была дислоцирована в ФРГ [18, Лауч З., с. 80–101], но отнюдь не на географически одностороннем фланге передовой зоны ответственности Альянса в Европе. Как минимум в первое десятилетие (2014–2023 гг.) нынешней конфронтации Запада и РФ официальный Осло также не стал обращаться к партнёрам по НАТО с просьбой разместить на своей территории союзническое военное присутствие. Так, этого не произошло ни в июле 2016 г., когда было принято решение об учреждении многосторонних боевых батальонных тактических групп (БТГ) в Польше и странах Балтии (реально развёрнуты с января 2017 г.), ни в марте 2022 г., когда таковые были созданы в южной части Восточной Европы (в Словакии, Венгрии, Румынии и Болгарии), ни в июне 2022 г., когда стартовала плавная трансформация «старых» БТГ в бригады³⁵. Географически и хронологически синхронно развёртывалось присутствие США в национальном качестве — одна бригада в Польше и к северу от неё (с 2017 г.), другая — в странах региона к югу³⁶. Параллельно в нём проходило наращивание иных составляющих конвенционального (неядерного) военного присутствия — прежде всего, морской, воздушной, и расширялась система штабов различного (вплоть до корпусного) уровня. Показательно, что сама Норвегия принимала участие в комплектовании многонациональной БТГ в Литве («рамочное государство» — Германия) с момента её создания, поддержав решение (2022 г.) о реорганизации этой части в бригаду. На июнь 2022 г. вклад королевских войск составлял 188 военнослужащих (11,5% от общей численности БТГ в 1 632 солдата и офицера и почти 2% для БТГ СПР в целом, что имели 9 641 человека³⁷) или около 0,9% от численности норвежских ВС. Здесь следует подчеркнуть, что участие в комплектовании БТГ СПР не являлось строго обязательным для всех стран-участниц Альянса: например, в этот процесс как минимум в 2017–2022 гг. не были вовлечены Греция, Турция и Португалия³⁸. Официальная Анкара предпочитала предельное сосредоточение на ключевых для неё ближневосточном и се-

³⁵ NATO's military presence in the east of the Alliance. NATO. 21.12.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (дата обращения: 05.05.2023).

³⁶ Fact sheet — U.S. Defense Contributions to Europe. The US Department of Defence. 29.06.2022. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/> (дата обращения: 05.05.2023).

³⁷ NATO's Forward Presence. NATO. June 2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/11/pdf/221128-factsheet-efp_en.pdf (дата обращения: 05.05.2023).

³⁸ См., например: NATO's Forward Presence. NATO. November 2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/11/pdf/221128-factsheet-efp_en.pdf (дата обращения: 05.05.2023).

роафриканском направлениях, Лиссабон — на последнем. Норвегия была «завязана» на Арктику, участвовала на своей территории в «сдерживании» РФ как приграничное с ней государство, однако официальный Осло не усматривал в этом препятствие для внесения полноценного вклада в комплектование СПР НАТО в Восточной Европе. Данное положение отражало самодостаточность страны в сфере безопасности и обороны.

Если в Восточной Европе де-юре инициатива о развёртывании войсковых единиц СПР исходила от самих региональных игроков, то в случае Королевства Норвегия с соответствующим предложением были вынуждены выступать другие (по отношению к официальному Осло) страны-участницы НАТО — прежде всего, США, Великобритания и Германия, сами запрашивая и получая одобрение норвежской стороны. С одной стороны, тем ведущие игроки Альянса демонстрировали определённую зависимость от относительно небольшой (особенно по численности населения) Норвегии, с другой — такая схема позволяла им намного гибче, чем в Восточной Европе, подходить к использованию своих войск, особенно наземных, что на практике было очень важно.

В 1990-е — начале 2010-х гг. в вооружённых силах стран-участниц НАТО прошли масштабные сокращения: так, между 1989 и 2015 гг. численность личного состава ВС США сократилась с 2 241 до 1 314 тысяч солдат и офицеров (в 1,7 раза), Великобритании — с 318 до 141 тысячи (2,3 раза), Германии — с 503 до 177 тысяч³⁹ (2,8 раза). Восстановительный рост этих ВС со второй половины 2010-х гг. был небольшим (обычно в пределах 1% в год, а до 2018 г. даже имело место сокращение по инерции) и притом резко отставал по скорости от увеличения многосторонних сил в подчинении НАТО. Так, на Мадридском саммите Альянса (28–30 июня 2022 г.) было принято решение о непосредственном использовании в составе группировок блока, резервировании под это 800 тысяч солдат и офицеров (в т. ч. 300 тысяч с готовностью приведения в полную боевую готовность до 1 месяца)⁴⁰, что составляло более 40% к численности ВС всех европейских стран-участниц НАТО (1,96 млн)⁴¹. Учитывая, что именно на них, а не США, ложится подавляющая часть нагрузки по практическому усилению военного потенциала в подчинении НАТО, очевиден интерес к поиску наиболее удобных (гибких) форм соответствующего использования национальных войск. Поэтому как силы быстрого реагирования (мощный II стратегический эшелон войск Альянса), так и силы передового развёртывания комплектовались на ротационной основе, т. е. временным предоставлением конкретных сил и средств, необходимых для заполнения заявленной национальной квоты. Принимая на себя росшие чёткие (в количественном плане) обязательства в отношении партнёров по НАТО в Восточной Европе, США и особенно западноевропейские

³⁹ Financial and economic data relating to NATO defence. Press release M-DPC-2(91)105. Brussels: NATO, 1991. P. 7; Defence Expenditure of NATO Countries (2014-2022). Brussels: NATO, 2022. P. 12.

⁴⁰ New NATO force model. NATO. 30.06.2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf (дата обращения: 5.05.2023).

⁴¹ Defence Expenditure of NATO Countries (2014-2022). Brussels: NATO, 2022. P. 8.

державы стремились *одновременно* избежать этого в случае Норвегии и обеспечить стратегическое проникновение в Арктику с опорой на её поддержку.

Из данного *противоречия* существовали два выхода. Один, основной, — это интенсификация военно-тренировочной деятельности под эгидой НАТО в Скандинавии и Арктике (в плане крупных манёвров превзошедшая показатели для Восточной Европы). Это позволяло отработать развёртывание массы войск различных видов ВС в условиях субарктического и арктического климата, т. е. накопить опыт большому числу военнослужащих, притом перенаправляя их с решения других (более стандартных) задач лишь на короткое время — обычно на несколько недель. Другой, имевший скорее вспомогательное значение, — это развёртывание союзнического присутствия на территории Норвегии формально в рамках НАТО, но де-факто в национальном качестве, т. е. на двусторонней основе. Притом такие договорённости могли быть легче пересмотрены, т. е. присутствие могло быть свёрнуто или трансформировано уже в ближнесрочной перспективе. Логично, что второй вариант осуществлялся именно США, реализовавшими его параллельно и в Восточной Европе.

Вклад партнёров по НАТО в усиление группировки в Финнмарке

Хотя к СПР НАТО, ассоциированным с ними войскам стран, расположенных в передовой части зоны ответственности (как это было в случае ВС государств-членов Альянса в Восточной Европе), де-юре группировка сил и средств в губернии Тромс-ог-Финнмарк не относилась, де-факто она являлась частью данной категории. Подтверждение тому — хронологическая синхронизация мер США, стран-участниц НАТО по наращиванию группировки в Северной Норвегии с увеличением потенциала СПР в Восточной Европе в 2016–2017 гг. и 2022 г.

На фоне принятия решения о создании первых их БТГ в Польше и странах Балтии (июль 2016 г.) в октябре 2016 г. ещё администрация Б. Обамы озвучила решение о направлении в Финнмарк 330 морских пехотинцев⁴² — в обоих случаях реально силы были развёрнуты с января 2017 г. В июне 2018 г. уже администрация Д. Трампа с согласия Норвегии приняла решение об увеличении своего присутствия до 700 военнослужащих корпуса морской пехоты (КМП)⁴³, т. е. «ядра» БТГ. Это было значимой величиной в условиях Крайнего Севера, усиливая боевую мощь королевских войск в Финнмарке на 20–25%. Однако намного большую выгоду получали сами США. Они обретали возможность в тесном сотрудничестве с норвежскими частями (неоднократно на временной основе передавая для обучения их командирам свои подразделения), их отлаженной инфраструктурой отработать схему создания полноценных собственных арктических войск. Ещё одним преимуществом являлось получение практических навыков именно в районе, географически прилежащем к Кольскому п-ову

⁴² Some 330 U.S. Marines to be temporarily stationed in Norway in 2017. 24.10.2017. URL: <https://www.reuters.com/article/us-norway-usa-military-idUSKCN12O2DM> (дата обращения: 5.05.2023).

⁴³ US to double number of Marines in Norway amid Russia tensions. 12.06.2018. URL: <https://edition.cnn.com/2018/06/12/politics/us-marines-norway-russia-tensions/index.html> (дата обращения: 5.05.2023).

— зоне дислокации основной части Северного флота России. Показательно, что ротированный (раз в 6 месяцев) контингент США планировалось здесь разместить как минимум на 5 лет⁴⁴.

Однако в реальности он был выведен уже к сентябрю 2020 г.⁴⁵ В чём причины столь заметного изменения подхода? Это не может быть объяснено фактором пандемии, т.е. на протяжении первых, самых тяжёлых, её волн подразделения КМП США оставались на севере Норвегии. Учитывая подход администрации Д. Трампа (с его бизнес-мышлением) к внешней политике, особенно взаимоотношениям внутри НАТО, уместно выделить три основные причины. Во-первых, это требование к Норвегии увеличить планку военных расходов до 2% от ВВП: если в 2016–2018 гг. они находились на уровне 1,72–1,74%, то в 2019 г. были повышены до 1,86%, а в 2020 г. — до 2,0%⁴⁶. Притом данная отметка была достигнута в год первых, имевших наибольший «замораживающий» эффект, волн COVID-19, когда произошло снижение ВВП (в случае Норвегии — с 406 до 404 млрд долл.)⁴⁷ — иными словами, на практике военные расходы почти не выросли. Уже в начале 2020-х гг. их доля в ВВП вновь опустилась ниже 1,8%⁴⁸. Тем самым официальный Осло учёл требования Д. Трампа на уровне НАТО, однако снизил готовность к сохранению военного присутствия США в Финнмарке, которое прежде всего нужно было самим последним. Во-вторых, 45-й президент США как раз стремился подчеркнуть отсутствие у Белого дома какой-либо зависимости от партнёров по НАТО. В-третьих, Д. Трамп весьма болезненно относился к факту продвинутых отношений Норвегии с Германией (в частности, наличию полноценного переговорного тандема двух стран Э. Сульберг — А. Меркель) — основному объекту критики и давления со стороны США внутри Евро-Атлантического сообщества. Символом этого стал выбор именно ФРГ как поставщика новых подводных лодок для норвежских ВМС.

Однако решение Белого дома 2020 г. оказалось сугубо тактическим. Стратегически США нуждались в обеспечении полноценного военно-стратегического присутствия на севере Норвегии, что подтвердил курс администрации Дж. Байдена. По сравнению с предшественницей она сумела найти более удобные для обеих сторон, особенно самих США, формы этого: районы совместного военного использования (англ. *“agreed areas”*) как профильные объекты с прилежащими территориями / акваториями, куда свободно допускались как военные США, так и Норвегии⁴⁹. В последнем отношении данные районы отличались от классических заграничных военных баз Соединённых Штатов (обычно находившихся в исключительной

⁴⁴ US to double number of Marines in Norway amid Russia tensions. 12.06.2018. URL: <https://edition.cnn.com/2018/06/12/politics/us-marines-norway-russia-tensions/index.html> (дата обращения: 05.05.2023).

⁴⁵ U.S. Pulls 700 Marines Out of Norway. 7.08.2020. URL: <https://www.lifeinnorway.net/u-s-pulls-700-marines-out-of-norway/> (дата обращения: 05.05.2023).

⁴⁶ Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2022). Brussels: NATO, 2022. P. 8.

⁴⁷ Там же, р. 10.

⁴⁸ Там же, р. 8.

⁴⁹ New Norway — USA Defense Agreement Allows Extensive US Authority in the North. 8.06.2022. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/new-norway-usa-defense-agreement-allows-extensive-us-authority-north> (дата обращения: 05.05.2023).

юрисдикции последних), что было шагом навстречу интересам официального Осло. Как и его предшественники с 1950-х гг., правительство Й. Г. Стёре не было согласно полностью передать часть норвежской территории для размещения постоянного союзнического присутствия. Вместе с тем создание этих районов было огромным шагом навстречу США, получавшим «всесезонный» доступ к военной (и двойного назначения) инфраструктуре Норвегии, т. е. приобреталась «страховка» для долгосрочного военного присутствия Соединённых Штатов Америки.

8 июня 2022 г. Стортинг большинством голосов, включая фракции Норвежской рабочей и Консервативной партии, но с жёсткой критикой со стороны крайне левых, одобрил соглашение с США. Документ предполагал создание двух районов совместного военного использования: на базах ВМС в Рамсунне (Финнмарк) и ВВС в Эвенесе (Тромсё, вблизи Нарвика) как основных пунктов базирования соответствующих видов войск в Северной Норвегии⁵⁰. В первом случае (Рамсунн) США получили возможность развернуть подразделения КМП, во втором — ВВС, взаимодействуя с королевской авиацией, переоснащаемой на F-35⁵¹. Причём Белый дом мог свободно варьировать численность личного состава, единиц ВиВТ, в отличие от ситуации 2016–2020 гг.

Полученный тогда и вновь нарабатываемый в сотрудничестве с ВС Норвегии опыт позволил США перейти к созданию собственных полномасштабных арктических войск. 6 июня 2022 г. в составе армии США с базированием в Аляске была создана 11-я аэромобильная (воздушно-десантная) дивизия «арктических ангелов» в составе численностью в 12 тысяч солдат и офицеров [4, с. 120]. Основу соединения образовали две бригады: 1-я пехотная (бывшая 1-я бригада страйкеров) и 2-я аэромобильная (бывшая 4-я аэромобильная 25-й пехотной дивизии)⁵². 11-я дивизия стала первым соединением данного уровня, созданным впервые в армии США с 2010-х гг. (на весну 2022 г. в ней насчитывалось 10 дивизий, без сквозной нумерации), что показывает заметный рост внимания Белого дома к Арктике. С учётом используемых во взаимодействии с 11-й дивизией подразделений КМП, других родов войск, арктические войска США в Аляске составляли на середину 2022 г. не менее 1% от общей численности ВС (почти 1 350 тысяч военнослужащих)⁵³, уже не уступая по количеству военнослужащих группировке ВС Норвегии в Финнмарке-ог-Тромсё. Вместе с тем последняя как минимум на среднесрочную перспективу будет сохранять преимущество в плане отлаженности и уровня подготовки отдельно взятого бойца, мелкого подразделения.

Отнюдь не случайно хронологическое совпадение — в начале июня 2022 г. — создания 11-й дивизии на Аляске и ратификации (и немедленного начала имплементации) согла-

⁵⁰ New Norway — USA Defense Agreement Allows Extensive US Authority in the North. 8.06.2022. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/new-norway-usa-defense-agreement-allows-extensive-us-authority-north> (дата обращения: 05.05.2023).

⁵¹ Там же.

⁵² Army Forms 11th Airborne Division Amid Focus on Arctic Warfare. 6.06.2022. URL: <https://www.military.com/daily-news/2022/06/06/army-forms-11th-airborne-division-amid-focus-arctic-warfare.html> (дата обращения: 05.05.2023).

⁵³ Рассчитано на основе: Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2022). Brussels: NATO, 2022. P. 8.

шения о районах совместного военного использования в Северной Норвегии. Тем самым при ведущем участии Белого дома происходило параллельное выстраивание отрезков «сдерживания» РФ в Арктике к востоку и западу от её границ. Одновременно шла отработка усиления группировки в Финнмарке странами-участницами НАТО в целом: так, на это были нацелены крупнейшие (30 тысяч военнослужащих) учения НАТО *Cold Response 22* (14–31 марта 2022 г.) с участием 26 стран-участниц Альянса, Швеции и Финляндии⁵⁴. Основу контингента ФРГ составлял батальон горных стрелков, поддерживаемый военно-транспортной авиацией⁵⁵. США совместно с Нидерландами и Великобританией сосредоточились на использовании частей морской пехоты для борьбы с «противником», в роли которого выступали танковые и механизированные подразделения Швеции и Финляндии⁵⁶. Последние самым активным образом вовлекались в выстраивание в Северной Норвегии системы «сдерживания» РФ. После вступления в Альянс официальных Стокгольма и особенно Хельсинки размещённые в соответствующей части стран войска должны были стремиться к слиянию в единое оперативно-тактическое целое с бригадой «Север» Норвегии и временно размещаемыми здесь силами других стран-участниц НАТО. Манёвры были нацелены на отработку развёртывания, в т. ч. уже после начала боевых действий, многостороннего соединения уровня дивизии, «ядро» которой составляла норвежская бригада «Север», — иными словами, речь шла об её оперативном «доразивании» войсками других стран-участниц Альянса и отлаживании снабжения всех этих сил в условиях ранней весны на Крайнем Севере.

Манёвры *Cold Response* начали проводиться с 2006 г. два раза в год (обычно весной и осенью; не были организованы в 2020 г.) как национальные учения норвежских ВС. По согласованию с организатором в них принимали участие контингенты партнёров по НАТО (прежде всего, из состава КМП США в Финнмарке в 2016–2019 гг.). В этой связи кейс *Cold Response 22* зафиксировал **тенденцию интернационализации**, т. е. трансформации эгиды из сугубо национальной в НАТО, важнейших учений на территории Норвегии. Аналогичная ситуация наблюдалась с манёврами *Joint Viking 23*, которые проходили в Тромсё с задействованием 12 тысяч участников в марте 2023 г.⁵⁷ Закономерно, что это проявилось прежде всего в Северной Норвегии — обращённой на восток зоне «сдерживания» РФ, которая с севера же обеспечивала систему стратегического проникновения Альянса в Арктику.

⁵⁴ Cold Response 2022. Forsvaret. 2022. URL: <https://www.forsvaret.no/en/exercises-and-operations/exercises/cr22> (дата обращения: 05.05.2023).

⁵⁵ Gebirgsjäger bei Cold Response 2022. NATO. 01.04.2022. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/aktuelles/gebirgsjaeger-bei-cold-response-2022-5385872> (дата обращения: 05.05.2023).

⁵⁶ Dispatch from the field — exercise Cold Response 2022 wraps up in Norway. NATO. 5.04.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_194434.htm (дата обращения: 05.05.2023).

⁵⁷ Joint Viking 2023. Forsvaret. 2023. URL: <https://www.forsvaret.no/en/exercises-and-operations/exercises/jv23> (дата обращения: 05.05.2023).

Линия Тронхейм — Тромсё: войсковое усиление со стороны НАТО

Полномасштабная отработка развёртывания сил Альянса для прикрытия её опоры — сети портов и аэродромов от Тронхейма до Тромсё — была впервые осуществлена в ходе учений *Trident Juncture 18*. Они проходили 25 октября — 7 ноября 2018 г. в губерниях Трёнделаг (Центральная Норвегия), а также Хедмарк и Оппланд (объединены в губернию Иннландет с 2020 г.; Восточная Норвегия) с задействованием 50 тысяч военнослужащих, 65 кораблей, 250 самолётов и 10 тысяч единиц наземной техники⁵⁸. Контингенты были выделены практически всеми странами-участницами НАТО, а также Швецией и Финляндией. В отличие от *Cold Response* цикл манёвров *Trident Juncture* традиционно (с момента проведения первых в 2002 г.) проходил под эгидой НАТО, притом эти учения среди других для Альянса обычно выделялись своим масштабом (в частности, *Trident Juncture 15* в Южной Европе). Конкретно *Trident Juncture 18* стояли в этом ряду особо, явившись крупнейшими для НАТО в первые два десятилетия XXI в. Таким образом была продемонстрирована огромная заинтересованность блока в обеспечении прикрытия Центральной и Восточной Норвегии для закрепления в Арктике. Помимо принимающей стороны, наиболее крупные контингенты предоставили США (20 тысяч солдат и офицеров)⁵⁹ и ФРГ (свыше 8 тысяч человек)⁶⁰, т. е. суммарно более 50% от общего объёма задействованного личного состава. Повышенное внимание уделялось военно-логистическим аспектам: переброске из Западной Европы (прежде всего, с Британских островов и из Германии) и трансатлантической (из США) крупных масс войск, техники, снаряжения и боеприпасов. В сухопутной части манёвров оказались задействованы 6 бригад (т. е. эквивалент двух полных дивизий) и значительные силы КМП США⁶¹. Было отработано выдвигание с юга Норвегии крупной группировки сил быстрого реагирования (*NRF*) — «копья» многосторонних войск НАТО. Его «остриём» считалась бригада повышенной боевой готовности (*VJTF*), основу которой на учениях *Trident Juncture 18* составила элитная 9-я учебная танковая бригада бундесвера⁶². Осуществляя цепь контрударов по «противнику», группировка *NRF* апробировалакрытие сети портов Норвегии и выстраивание усиленной системы охраны вдоль побережья. Учения отчётливо показали консенсус стран-участниц НАТО в вопросе самого активного использования *NRF* для поддержки не только (и даже не столько) восточно-, но и североевропейских государств-членов. Было апробировано выстраивание единого военно-логистического коридора между северными портами Германии и южными — Норвегии. Из числа ведущих игроков Альянса вслед за США повышенную заинтересован-

⁵⁸ Trident Juncture 2018. NATO. 2018. URL: <https://www.nato.int/cps/en/natohq/157833.htm> (дата обращения: 05.05.2023).

⁵⁹ U.S. Joins NATO's Trident Juncture Exercise. US Department of Defence. 18.10.2018. URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/1666272/us-joins-natos-trident-juncture-exercise/> (дата обращения: 05.05.2023).

⁶⁰ Bundeswehr bei NATO-Übung „Trident Juncture 18“. 17.09.2018. URL: <https://www.truppendienst.com/aktuelle-artikel/bundeswehr-bei-nato-uebung-trident-juncture-18> (дата обращения: 05.05.2023).

⁶¹ Germany steps up to lead NATO high readiness force. NATO. 1.01.2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_161796.htm (дата обращения: 05.05.2023).

⁶² Там же.

ность в сотрудничестве с Норвегией для военно-стратегического проникновения в Арктику проявляла ФРГ.

Расширение ареала военно-морской активности НАТО в Северной Атлантике и Северном Ледовитом океане

Военно-морская составляющая *Trident Juncture 18* включала не только отлаживание функционирования многосторонних оперативных групп к югу и юго-западу от Норвегии, последующее прикрытие ими портов от Тронхейма до Тромсё, но и отработку выдвигания из них в Норвежское море⁶³. В рамках *Trident Juncture 18* впервые с 1991 г. США направили в Северный Ледовитый океан свой авианосец и развернули управление 6-го оперативного флота [5, с. 30]. Повышенная активность была продолжена на рубеже десятилетий, особенно в ходе учений с участием двух или нескольких стран-участниц НАТО: помимо США (и Великобритании), здесь вновь заметно проявляла себя ФРГ⁶⁴. Речь в основном об использовании кораблей и подводных лодок на относительно небольшом (чаще несколько десятков, реже 200–300 км) удалении от норвежского берега. Вместе с тем постепенно границы многосторонней военно-морской деятельности под эгидой Альянса раздвигались в сторону Гренландского и Баренцева морей. Постепенно разворачиваясь к середине 2020-х гг., именно эта активность представляла «сердцевину» стратегического проникновения НАТО в СЛО. В этой связи более чем вероятен рост военно-морской активности самой Норвегии в районе о. Шпицберген и резкое увеличение его стратегической значимости в планах Альянса [19, Тодоров А.А., с. 135–140].

Показательны в этой связи спаренные манёвры *Joint Viking 23/Joint Warrior 23*. Сухопутная компонента первых проходила в Тромсё⁶⁵, представляя отработку «сцепки» отрезка «сдерживания» РФ в Северной Норвегии и прикрытия на суше её портов южнее до Тронхейма. Морская проходила в северо-восточной части Норвежского в единой связи с манёврами *Joint Warrior 23*. В их случае организатором являлась Великобритания, а ключевую роль в проведении помимо ВМС официального Лондона играла 1-я постоянная (по факту существования; по составу — ротационная) военно-морская группа НАТО⁶⁶.

Заключение

В конце 2010-х гг. — начале 2020-х гг. одновременно заметно возросли практическая значимость Норвегии в планировании и деятельности НАТО, интегрированность королевской «военной машины» в объединённый потенциал Альянса. Иллюстрация тому — сочета-

⁶³ См.: *Trident Juncture 2018*. NATO. 2018. URL: <https://www.nato.int/cps/en/natohq/157833.htm> (дата обращения: 05.05.2023).

⁶⁴ См., например: „Sachsen“ erhält Nikolaus-Preis in Sonderform. BMW g. 18.03.2019. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/sachsen-erhaelt-nikolaus-preis-in-sonderform-5022470> (дата обращения: 05.05.2023).

⁶⁵ *Joint Viking 2023*. Forsvaret. 2023.

⁶⁶ *NATO Ships Take Part in Exercise Joint Warrior 23-1*. NATO. 15.03.2023. URL: <https://mc.nato.int/media-centre/news/2023/nato-ships-take-part-in-exercise-joint-warrior-231> (дата обращения: 05.05.2023).

ние манёвров блока, притом весьма масштабных, проводимых на территории Норвегии, в акваториях вблизи неё (*Trident Juncture 18, Joint Warrior 23*) с национальными учениями оной, управление которыми передавалось под юрисдикцию НАТО (*Cold Response 22, Joint Viking 23*). Притом партнёры пытались максимально использовать королевские ВС для получения от них практического боевого опыта в арктических и субарктических условиях, особенно в такие времена года, как весна и осень. Норвежская бригада «Север» де-факто стала частью сил передового развёртывания Альянса (в этой связи активно поддерживаемая, особенно со стороны США), а его силы быстрого реагирования одним из важнейших направлений использования стали иметь норвежское (и в целом скандинавское, арктическое). Притом как Норвегия, так и НАТО, другие страны-участницы считали удобным для себя отсутствие на территории королевства группировок Альянса, развёртываемых на долговременной основе с чётким определением численности и географии базирования (подобно кейсам в Восточной Европе).

Национальные стратегии конкретных держав НАТО по развитию военного сотрудничества с Норвегией различались, отражая традиционные черты внешней политики: США (и в меньшей степени Великобритания) сочетали двустороннюю (в целом большую по объёму) и многостороннюю кооперацию; ФРГ, напротив, достаточно органично вписывала свой диалог с официальным Осло в последнюю. Вместе с тем предмет неафишируемого консенсуса составляла схема стратегического проникновения под эгидой НАТО в Арктику с опорой на Королевство Норвегию, что была в сугубо военном плане выработана ещё в 1940–1944 гг. Это выстраивание мощного отрезка «сдерживания» РФ в Финнмарке, т. е. обращённого на восток (с осуществляемым присоединением сюда севера Финляндии и Швеции) как прикрытия для системы пунктов базирования в Центральной и Восточной Норвегии, т. е. уже обращённой на запад. Наконец, сами основные инструменты проникновения — многосторонние военно-морские группы (с поддержкой ВВС и сил специальных операций) в Норвежском, Гренландском, перспективе Баренцевом морях, т. е. обращаемые на запад, но с разворотом на восток. Выстраивание и апробация каждого из элементов этой схемы стартовала в 2017 г. (для первого) и 2018 г. (двух других) соответственно, получив весьма динамичное развитие в начале следующего десятилетия.

Список источников

1. Братерский М.В. Истоки новой холодной войны: основные черты системного конфликта XXI века // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1 (105). С. 15–31. DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2020.01.01>
2. Новикова О.Н. Четвертая афганская война Великобритании // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4 (116). С. 213–233. DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.09>
3. Арзаманова Т.В. Отдельные аспекты стратегического планирования Германии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях возвращения соперничества великих держав // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4 (116). С. 258–284. DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.11>

4. Журавель В.П., Тимошенко Д.С. Российская Арктика в период санкционного давления и геополитической нестабильности // Арктика и Север. 2022. № 49. С. 105–124. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.49.105>
5. Paul M. *Arktische Seewege*. Berlin: Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit SWP, 2020. 44 S. DOI: <https://doi.org/10.18449/2020S14>
6. Paul M. Die arktische Sicherheitspolitik der USA // SWP-Aktuell. 2023. No. 26. 8 S. DOI: <https://doi.org/10.18449/2023A26>
7. Кучинская М.Е. Арктика в фокусе внимания США и НАТО и интересы безопасности России // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1. С. 68–89.
8. Райков Ю.А. Россия и США в Арктике: от конкуренции к противостоянию // США. Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 1. С. 39–52. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2686673022010035>
9. Дзюбан В.В. Арктическая политика Норвегии в XXI веке // Архонт. 2019. № 6. С. 4–9.
10. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Современная военная стратегия Норвегии в Арктике и безопасность России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 2. С. 353–368. DOI: <https://doi.org/10.24891/ni.13.2.353>
11. Журавель В.П. Арктическая стратегия Норвегии и вопросы безопасности // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. № 5. С. 23–30. DOI: <https://doi.org/10.15211/vestnikieran520212330>
12. Истомин И.А. Управление обязательствами в асимметричных альянсах. Опыт России // Международные процессы. 2021. № 1. С. 26–55. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.1.64.1>
13. История военной стратегии России / Под ред. В.А. Золотарева. Москва: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000. 592 с.
14. Никитин А.И. Тенденции военно-политического развития и военно-технического сотрудничества стран Евросоюза // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4 (108). С. 53–74. DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2020.04.03>
15. История Второй мировой войны 1939–1945 (в 12 томах). Том 3. Москва, Воениздат, 1974. 498 с.
16. История Второй мировой войны 1939–1945 (в 12 томах). Том 8. Москва, Воениздат, 1977. 536 с.
17. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы Войны. Книга 2. Москва: Издательство Минобороны СССР, 1974. 510 с.
18. Лауч З. Основы оперативного мышления НАТО. Ретроспективный анализ оперативного мышления 80-х гг. и оценка перспектив развития. Москва; Тула: Аквариус, 2022. 268 с.
19. Тодоров А.А. Шпицберген в контексте военной безопасности в Арктике // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 127–143. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.39.127>

References

1. Bratersky M.V. Sources of the New Cold War: Main Features of the Systemic Conflict in the XXI Century. *Current Problems of Europe*, 2020, no. 1 (105), pp. 15–31. DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2020.01.01>
2. Novikova O.N. Britain's Fourth Afghan War. *Current Problems of Europe*, 2022, no. 4 (116), pp. 213–233. DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.09>
3. Arzamanova T.V. Some Aspects of German Strategic Planning in Indo-Pacific Region Facing the Return of Great Power Rivalry. *Current Problems of Europe*, 2022, no. 4 (116), pp. 258–284. DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.11>
4. Zhuravel V.P., Timoshenko D.S. The Russian Arctic, Sanctions Pressure and Geopolitical Instability. *Arctic and North*, 2022, no. 49, pp. 105–124. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.49.105>
5. Paul M. *Arktische Seewege*. Berlin, Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit SWP. 2020. 44 s. DOI: <https://doi.org/10.18449/2020S14>
6. Paul M. Die Arktische Sicherheitspolitik der USA. *SWP-Aktuell*, 2023, no. 26, 8 p. DOI: <https://doi.org/10.18449/2023A26>
7. Kuchinskaya M.E. The Arctic in Focus of U.S. and NATO Attention and Russia's Security Interests. *National Strategy Issues*, 2020, no. 1, pp. 68–89.

8. Raikov Yu.A. Russia and the USA in the Arctic: From Competition to Confrontation. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2022, no. 1, pp. 39–52. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2686673022010035>
9. Dzyuban V.V. Norway's Arctic Policy in the 21st Century. *Arkhont*, 2019, no. 6, pp. 4–9.
10. Konyshev V.N., Sergunin A.A. Contemporary Military Strategy of Norway in the Arctic and the Security of Russia. *National Interests: Priorities and Security*, 2017, vol. 13, no. 2, pp. 353–368. DOI: <https://doi.org/10.24891/ni.13.2.353>
11. Zhuravel V.P. Norway's Arctic Strategy and Security Issues. *Scientific and Analytical Herald of IE RAS*, 2021, no. 5, pp. 23–30. DOI: <https://doi.org/10.15211/vestnikieran520212330>
12. Istomin I.A. Management of Security Commitments in Asymmetric Alliances. The Case of Russia. *International Trends*, 2021, no. 1, pp. 26–55. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.1.64.1>
13. Zolotarev V.A., ed. *Istoriya voennoy strategii Rossii* [The History of Russia's Military Strategy]. Moscow, Poligrafresursy Publ., 2000, 592 p. (In Russ.)
14. Nikitin A.I. Trends of Military-Political Development in Europe and of Military-Technical Cooperation between the EU Member States. *Current Problems of Europe*, 2020, no. 4 (108), pp. 53–74. DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2020.04.03>
15. *Istoriya Vtoroy mirovoy voyny 1939–1945 (v 12 tomakh). Tom 3* [The History of the Second World War 1939-1945 (In 12 Volumes). Vol. 3]. Moscow, Voenizdat Publ., 1974, 498 p. (In Russ.)
16. *Istoriya Vtoroy mirovoy voyny 1939–1945 (v 12 tomakh). Tom 8* [The History of the Second World War 1939-1945 (In 12 Volumes). Vol. 8]. Moscow, Voenizdat Publ., 1977, 536 p. (In Russ.)
17. Shtemenko S.M. General'nyy shtab v gody Voyny. Kniga 2 [The General Staff during the War. Vol. 2]. Moscow, Izdatel'stvo Minoborony SSSR Publ., 1974, 510 p. (In Russ.)
18. Lauch Z. *Osnovy operativnogo myshleniya NATO. Retrospektivnyy analiz operativnogo myshleniya 80-kh gg. i otsenka perspektiv razvitiya: monografiya* [The Foundations of NATO Operational Thinking. A Retrospective Analysis of Operational Thinking in the 80s and Assessment of Development Prospects]. Moscow, Tula, Akvarius Publ., 2022, 268 p. (In Russ.)
19. Todorov A.A. Svalbard in the Context of Arctic Security. *Arctic and North*, 2020, no. 39, pp. 127–143. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.39.127>

*Статья поступила в редакцию 12.05.2023; одобрена после рецензирования; 15.05.2023;
принята к публикации 19.05.2023*

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов